

Молько ОН

Эльвира Смелук

16+

Эльвира Смелик

Только он

Серия «Взрослые истории», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56292050

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92484-0

Аннотация

«Только он» – про кого из трёх Алёна сможет так сказать? В одного она была влюблена ещё с детства, но он воспринимал её как младшую сестрёнку. Второй всегда находился рядом на правах лучшего друга и вроде бы никогда не претендовал на большее. Третий – Алёнин студент и к тому же сын того самого, первого, её давней безнадёжной любви.

Всё меняется именно в тот момент, когда вроде бы ничего уже не ждёшь.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	11
3	15
4	22
5	28
6	34
7	38
8	44
9	49
10	54
11	59
12	64
13	69
14	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эльвира Смелик

Только он

Пролог

Тихий, робкий всхлип вернул Алёну в реальность. А ведь всего несколько секунд назад казалось, мира больше не существует, он сжался до размера человеческого тела, и единственные возможные в нём ощущение – невероятное напряжение и боль.

За всхлипом последовал крик, сначала тоже робкий и отрывистый, будто на пробу, но уже через мгновение он перешёл в громкий возмущённый плач, сквозь который прорвался голос:

– Всё хорошо, мамочка! Девочка у вас.

Алёна хотела ответить, что знает, что ещё на первом УЗИ врач пообещала ей дочь. И даже губы шевельнулись, но звука не получилось, и она только коротко выдохнула, кивнув:

– А-а.

– И ровненькая какая, ладненькая. Красоткой будет. В маму.

И как только акушерка это определила? Насколько могла рассмотреть Алёна пока ещё слегка мутноватым взглядом – на вид, самый обычный младенец, точно такой же как все

остальные. Единственное, чем он отличался от других, Алёна могла про него сказать – «мой».

Нет, лучше так – «моя». И стоило только подумать об этом, произнести про себя, как где-то глубоко внутри родилась тёплая ласковая волна, прокатила по телу, накрыла с головой, вновь помутила сознание. И сердце зашлось, и дыхание сбилось.

Моя. Дочка. Доченька.

Акушерка положила девочку Алёне на грудь.

– Вот, мамочка, подержите немножко. Полюбуйтесь. Уже решили, как назовёте?

– Карина, – пробормотала Алёна, подумала, что, наверное, опять слишком тихо, но акушерка услышала, улыбнулась.

– Красивое имя.

1

Многие ждут от нового года каких-то особых перемен, но, если не устраивают их сами, редко чего дожидаются. Алёна давно уже относилась к праздникам чисто формально – ну есть они и есть, и их положено отмечать. А на самом деле, они такие же обычные дни, и все эти расчёты на чудо, на приятные сюрпризы и прочее – милая, наивная ерунда, делающая реальность разве что чуть-чуть приятней.

Блестящую новогоднюю кутерьму быстро сменяли привычные будни: сессия, задолжники, в последний момент закрывающие хвосты по зачётам, потом короткая передышка от занятий на время студенческих каникул, а дальше – очередной семестр. И даже его не назовёшь новым, потому что он похож на все остальные, которые были и ещё будут.

Хотя некоторые сюрпризы всё же поджидали.

– Алёна Игоревна, – зав кафедрой мило улыбалась, – вы же в курсе, что Светочка вышла замуж и укатила с мужем в Питер. Поэтому её нагрузку пришлось распределить между всеми, пока не вернулась из декрета Анна Аркадьевна. Но это же не надолго. Всего пару месяцев продержаться.

Зав кафедрой вполне бы сошла за истинную англичанку, которую трудно чем-либо смутить и вывести из себя. Она всегда была сдержанна и любые неурядицы встречала вот с этой самой доброжелательной улыбкой, ведь настоящая леди

будет вежлива и обходительна даже с такими неожиданными гостями, как неприятности. Она и выглядела соответственно: ухоженно, аккуратно, стильно.

Изящными пальчиками с неброским маникюром зав подцепила со стола несколько листов с напечатанными на них списками, протянула Алёне.

– Вам я самых лучших подобрала. Самые умненьких. – Наверняка то же самое она говорила каждому из осчастливленных сотрудников подчинённой ей кафедры, и всё равно эти фразы вкупе с благожелательной улыбкой приносили нотку позитива в происходящее. – Четыре группы. Информационные технологии, второй курс. Для них же английский почти как второй родной.

– Ну да, – кивнув, вежливо согласилась Алёна, но тут же добавила: – Посмотрим.

Она на автомате пробежалась взглядом по списку, но даже не прочитала ничего, просто взглянула на буквы, составленные в слова. Точнее, в имена и фамилии. Опустила руку с листами, но почти сразу опять подняла.

Всё-таки было там что-то такое, сработавшее словно маячок, независимо от Алёниных устремлений пославшее в сознание сигнал, который требовал внимания. Или, скорее, в память.

Алёна внимательней вчиталась в список. «Группа 3121. Специальность «Системы управления информационной безопасностью предприятия». Алексеев, Величко, Данилова...»

дальше, дальше, дальше и вот оно, ближе к концу «Решетников Дмитрий». Неожиданное совпадение. А если ещё и возраст учесть. Второй курс – это же девятнадцать-двадцать? Тоже подходит.

И всё равно – Алёна уверена – это только совпадение. Иначе просто быть не может. Да и ни к чему. Не настолько те воспоминания желанны и приятны, наоборот, они из тех, от которых изо всех сил стремишься избавиться, чересчур много в них несбывшихся надежд, разочарования и боли. И на следующей неделе, когда начались занятия, входя в аудиторию, в которой уже собралась и расселась по местам та сама группа 3121, она не ожидала ничего особенного.

Хотя, если быть до конца честной, всё-таки волновалась немного. От пришедшей в голову будоражащей мысли не так-то просто избавиться, даже если на сто процентов уверен в её несостоятельности – по крайней мере, времени нужно побольше, чтобы забыть окончательно и бесповоротно. Ещё и ясное понимание мешает, что у жизни вечно свои особые расчёты, не обязанные следовать ни логике, ни здравому смыслу, ни людским желаниям. Зато сейчас, когда войдёт, Алёна уже окончательно убедится, что поводов для волнения нет, и успокоится.

– Good morning. Nice to meet you.

Она остановилась возле преподавательского стола, обвела взглядом присутствующих.

Опять, точно так же, как с фамилией из списка. Взгляд

скользнул, не зацепившись толком, но в сознание ушёл независимый сигнал, заставивший посмотреть ещё раз, более осмысленно и внимательно.

Если это действительно совпадение, то как-то уж чересчур.

Дмитрий Решетников. Наверняка он, не ошибёшься. Потому что – абсолютная копия своего отца. Глеба.

Ничего невероятного и в то же время необъяснимо притягательно. Волосы тёмно-русые, и даже по виду понятно, что густые, чёткий черты. Высокие скулы, нос совсем чуть-чуть курносый, губы не тонкие, но и не полные, очень пластичные, легко растягивающие в широкую улыбку. И глаза, серые, которые тоже умели улыбаться, даже если выражение на лице было довольно серьёзным.

Но через несколько мгновений улыбка в них сменилась недоумением и вопросом, примерно таким: «Почему это новая англичанка рассматривает меня с вьедливым интересом?»

Да уж. Достаточно.

Алёна второй раз оглядела присутствующих. Группа как группа, тоже ничего нового. Парни и девушки, самые разные, симпатичные и не очень, полный набор от вечно довольных жизнью беспечных раздолбаев, полагающихся на удачу и собственное неотразимое обаяние, до сверхсерьёзных умников, точно знающих, что им в жизни нужно и прущих к цели в режиме танка.

Она представилась, назвав свои имя и отчество, и опять посмотрела на Решетникова. Наткнулась на ответный взгляд и торопливо отвела глаза, но успела заметить: одна бровь чуть приподнята, другая, наоборот, опущена, отчего на лице возникло выражение лёгкой, немного дурашливой сосредоточенности, какое бывает, когда пытаются что-то вспомнить. Или Алёне только показалось?

Вообще-то он ведь и правда мог её помнить. Сколько ему было, когда Глеб с семьёй съехал от родителей в собственную квартиру? Вроде бы лет пять или чуть меньше? И все хихикали и умилялись, когда маленький Димка с абсолютно серьёзным видом заявлял, что вырастет и непременно женится на соседской Алёне. И только ей самой почему-то было не до смеха.

2

(прошрое)

Алёне казалось, она была влюблена в Глеба всегда, сколько себя помнила, даже ещё в детском саду. Когда она туда ходила. А Глеб в это время уже ходил в школу.

На первых порах это выражалось как восторженное обожание, открытое и искреннее, ни капли не скрываемое. Позже влюблённость стала чуть более осознанной, начала смущать, перешла в разряд тщательно оберегаемой тайны, и осталась ею надолго, потому что пришло горькое осознание – тут Алёна никогда не дожждётся взаимности, Глеб для неё навеки недосыгаем. Но не по пространственным параметрам и даже не по каким-то другим, а только если дело касалось любви. Любви между парнем и девушкой, между мужчиной и женщиной.

Увидеться с ним – вообще не проблема. Они жили в соседних квартирах, их семьи прекрасно ладили, частенько помогали друг другу. Да у них даже балконы располагались совсем рядом, те разделяла только бетонная перегородка, за которую можно без труда перегнуться и заглянуть, а при желании и перелезть, если не боишься оступиться и сорваться вниз с высоты седьмого этажа. Правда, никто подобного ещё ни разу не проделывал. А что-то передать – и совсем просто, даже из квартиры выходить не надо.

Алёна с Глебом и общались довольно легко, но только касательно всего остального: игр, болтовни, времяпровождения, пока дома пусто и родители на работе, простой детской дружбы и почти родственной близости. Совсем как между старшим братом и младшей сестрой.

Да, именно так – старшим братом и младшей сестрой. И сначала-то Алёну это более чем устраивало. Ну а что ещё нужно неразумной деточке? Просто находиться рядом, просто любить самой – свою невинной ничего не знающей любовью.

Зато потом всё изменилось. Для Алёны. А для Глеба – нет. Нисколько, ничуть. Для него она по-прежнему была малышкой, о которой нужно заботиться, которую нужно оберегать и защищать. Девочкой – да. Но не в том смысле девочкой. Он и называл её чаще не по-нормальному «Алёной», а глупым детским именем, бывшем в ходу в самые младенческие времена – «Лёлёной».

Хотя Алёна упрямо верила, что когда-нибудь это изменится, стоит только вырасти ещё немного, повзрослеть, дожидаться момента, когда разница в возрасте перестанет казаться критичной. Ну реально же – подумаешь, всего какие-то четыре года. После двадцати они вообще перестанут иметь значение. Наверное.

Да и тогда они казались уже не настолько важны. Ей четырнадцать, ему восемнадцать. И ведь она далеко не наивная простушка, с головой у неё всё в порядке, мысли в ней до-

статочно умные и на любые темы, да и с внешностью – очень даже. Может, личико ещё и детское, зато фигура, как надо, а грудь вообще уже второго размера, хотя сама по себе Алёна худенькая и стройная. И в школе мальчики постарше давно уже поглядывали на неё с интересом, и некоторые из них ей вполне даже нравились, но всё равно – никто не дотягивал до Глеба.

В тот день мама отправила её в магазин, потому что, готовя ужин, внезапно выяснила, что дома в наличии только надкусанная горбушка ржаного и подсохший ломтик батона. И если вечером они вполне обошлись бы и этим, то наутро хлеб непременно нужен – для бутербродов. Алёна, не забыв выразить праведное возмущение – тащиться куда-то на самом деле не хотелось – всё-таки отправилась за покупками и уже на обратном пути столкнулась с Глебом.

Ничего удивительного, кстати. Он тоже шёл домой, и, естественно, путь у них оказался общим. Конечно, почти всегда можно идти разными дорогами к одной цели, но не в данном же случае.

А ещё Алёне показалось, что вот эта их встреча, даже несмотря на всю свою предсказуемость и обычность, не случайна. И кто его знает, почему? Наверное, потому что очень хотелось так считать.

– О, Лёлька, привет! – первым окликнул её Глеб, и это тоже показалась по-особому значимым. – По хозяйству припахали?

– Ага, – подтвердила Алёна, взмахнула пакетом.

Но зачем им разговаривать о такой ерунде? Особенно после того, как возникли мысли про ту самую необычную важность происходящего. А вдруг это судьба посылает Алёне сигналы? Намекает, что пора уже сделать решающий шаг или хотя бы выяснить, что и правда уже пора. Но даже если нет, и всё действительно только кажется, почему бы не попробовать?

Если всего лишь надеяться и ждать, не предпринимая никаких действий, так ничего никогда и не произойдёт. Вот только – что бы такое сказать?

– Глеб!

– А?

– Научишь меня целоваться?

3

(прошное)

– А! – Глеб даже на мгновение застыл на месте, потом со взрослыми назидательными интонациями поинтересовался: – Не рано тебе?

Алёна возмущённо насупилась.

– Мне, между прочим, совсем скоро уже пятнадцать.

– И что? – не проникся Глеб.

– Да у нас в классе почти все девчонки с мальчиками встречаются, – со значением заявила Алёна. – А некоторые даже...

С ним легко разговаривалось и о таком. Без подробностей, конечно.

– А тебе это зачем? – Глеб хмыкнул с осуждением. – В пятнадцать. Сначала с одним, потом с другим, потом со всеми сразу и по кругу? Вот от кого-кого, а от тебя такой глупости не ожидал.

– Да ты же сам всё додумал! – возмутилась Алёна, насупилась ещё сильнее, обиженно скривила уголок рта. – Я и не собиралась. Я же просто про целоваться. Это, что, тоже противопоказанно и никогда в жизни не пригодится? – Она сердито глянула на Глеба, пробурчала: – Как будто сам в пятнадцать ни разу не целовался. До шестнадцати ждал? Или вообще до восемнадцати?

Глеб рассмеялся.

– Не ждал.

Алёна вскинулась, воскликнула с нарочитым пониманием:

– Но ты же парень – да? А это совсем другое. И целовался ты исключительно со взрослыми тётями, которым уже можно.

Глеб опять рассмеялся, протянул умильно, снова показательно по-взрослому:

– Какая же ты, Лёлька, дурочка ещё.

Она напряглась, настороженно сузила глаза, кажется, у неё даже ноздри раздулись из-за внезапной остроты и накалённости момента.

Если он сейчас произнесёт слово «маленькая», Алёна его ударит. Вот честно, ударит. Потому что это невыносимо обидно, и даже больно. И сколько можно терпеть это в одиночку? А Глебу всё равно, он ничего не чувствует, не понимает. Точнее, не желает понимать, отчего так ужасно звучит для неё это слово.

«Маленькая» – как известие о неизлечимой болезни, как смертный приговор.

И даже разговаривать с ним пропало желание, а уж тем более действовать. И чего она выдумала про какие-то там знаки судьбы? Реально – дурочка. И вообще захотелось всё-таки найти иной путь к общей цели, то есть к дому, но идти-то оставалось метров двести.

Алёна шагала, не задумываясь над тем, как это делается. Само же давно получается, все люди, и животные тоже, просто ходят, не заморачиваясь на то, по какой системе следует переставлять ноги. А потом, наверное, под подошву что-то попало, камешек, например, или ступила неудобно – нога резко пошла в бок, вывернулась, и, вскрикнув от внезапно пронзившей её острой боли, Алёна покачнулась, не удержала равновесия и с размаху уселась на асфальт.

Глеб запоздало дёрнул рукой в желании её удержать, но не успел, поймал только воздух, и потом сразу присел рядом, ухватил за плечи, спросил испуганно:

– Алён, ты чего? Ты как? Всё в порядке?

– Просто нога подвернулась, – пробормотала Алёна, даже не особо задумавшись над словами. Потому что до сих пор было жутко больно.

Она вцепилась пальцами в собственную щиколотку, сжала посильнее, предполагая, что так будет легче, но боль упрямо растекалась по ноге и, кажется, становилась только сильнее. Даже слёзы выступили. И нога прямо на глазах принялась опухать.

– Всё цело? – продолжал выпрашивать Глеб. – Встать сможешь?

– Попробую.

Он подхватил Алёну под локти, стал медленно подниматься, тянул её за собой.

Встать-то она встала, но стоило наступить, или даже не

наступить, а только попытаться, на покалеченную ногу, Алёна чуть снова не грохнулась, едва не разревевшись от нового приступа боли. Хорошо, что Глеб её по-прежнему крепко держал.

– Может, скорую вызвать? – предложил он встревоженно.

– Зачем?

– Отвезут в травмопункт.

– Не хочу в травмопункт, – Алёна шмыгнула носом. – Хочу домой.

Глеб не растерялся, произнёс невозмутимо:

– Ну, давай тогда отнесу.

– На руках? – на несколько секунд Алёна даже забыла про боль, моментально представив, как это будет.

Как Глеб подхватит её, приподнимет, прижмёт к груди, и она обовьёт руками его шею. Ну, надо же как-то держаться! И, может, даже положит голову ему на плечо. И его щека будет так близко. И глаза. Если он повернёт к ней лицо. И губы. Ещё ближе. И...

– На закорках, – выдал Глеб.

– А почему не на руках? – разочарованно выдохнула Алёна.

– Потому что так легче и удобнее, – пояснил Глеб деловито, посмотрел внимательно. – А ты точно не притворяешься? А то как-то претензий многовато для раненой.

– Притворяюсь, конечно! – в негодовании выпалила Алёна. Она стояла на одной ноге, а вторую поджимала, словно

цапля, боясь прикоснуться ею к асфальту. Вдруг станет ещё больнее. – Неужели не заметно? – Она попыталась показательно оттолкнуть всё ещё поддерживающие её руки Глеба, даже рискуя упасть. – А ты иди. Обойдусь. Доковыляю и сама как-нибудь, не переживай. Или доползу. А то вдруг ещё надорвёшься.

– Ну ты и заноза стала, – критично улыбнувшись, вывел Глеб, но тут же распорядился: – Давай, забирайся. Не выделывайся.

И продекламировал через плечо, поворачиваясь к Алёне спиной и приседая:

Уронили Лёльку на пол,
Подвернула Лёлька лапу.
Всё равно её не брошу,
Даже вредную такую.

– И не складно совсем, – пробурчала Алёна, капризно выпячивая губы, разрываясь между желаниями смертельно обидеться и беспечно рассмеяться, наклонилась, привалилась к Глебу, а он подхватил её под коленки, чуть тряхнул, пристраивая повыше и поудобней, выпрямился и опять тряхнул.

Алёна немного испугалась, прижалась к нему ещё теснее, вцепилась в плечи.

– Только за шею сильно не обнимай, – предупредил

Глеб. – А то далеко не уйдём, задохнусь.

На руках неудобно, за шею не обнимаю. Алёна опять на некоторое время забыла про боль. Потому что – всё равно круто. Находиться так близко, ощущать его телом, осознавать его силу. А ещё можно уткнуться лицом в его густые мягкие волосы. Правда, это щекотно. Или дотянуться до уха, коснуться его губами – конечно, случайно! – и прошептать, что-нибудь. Например...

– Дверь сможешь открыть? – Они уже стояли возле самого подъезда, точнее Глеб стоял. – У тебя ключи далеко? У меня – в брюках, в кармане. И что бы их достать, придётся тебя ссадить.

– У меня в куртке, – откликнулась Алёна. – Сейчас.

Она понадежней зафиксировалась одной рукой, хотя и уверена была, что Глеб её не уронит, второй залезла в карман, выудила оттуда связку, приложила «таблетку» к нужному гнезду и, услышав весёлое пиликанье электронного замка, подцепила пальцами край двери. Кнопку для вызова лифта нажимала тоже она, а Глеб так и тащил её до самой квартиры и только на площадке аккуратно ссадил прямиком на резиновый рифлёный половичок с полустёршейся надписью «Welcome». Но всё равно не отпустил, придерживал или, скорее, даже приобнимал, и смотрел сверху-вниз, странно так смотрел.

И Алёна не торопилась отодвигаться, пялилась в ответ, и почему-то всё расплывалось перед глазами. Может, пото-

му что боль в ноге никак не проходила и на глаза опять наворачивались слёзы, может, потому что на площадке было слишком темно, а может, голова шла кругом от безумного желания – приподняться, потянуться, приблизиться и всё-таки коснуться его губ своими. И, кажется, Глеб думал о том же. А иначе почему он так смотрел? Чего ждал и хотел? Разве не этого?

Этажом выше или ниже громко хлопнула дверь, всполошив безмятежно дремавшее эхо. Оно заметалось по лестничным пролётам, отскакивая от стен, загудел вызванный лифт. Глеб вскинул руку и нажал на клавишу звонка, тот глухо заверещал в глубине квартиры.

Дверь распахнулась как-то чересчур быстро, будто мама как раз находилась в прихожей.

– Тёть Кать, Лёлка тут ногу подвернула, – выложил Глеб без всяких вступлений.

Он и дальше что-то говорил, и мама говорила, словно эстафетную палочку принимая дочь из заботливых рук соседского парня. Алёна не вслушивалась.

Да какая разница? Когда самое важное, самое желанное уже произошло минуту назад. То есть как раз-таки не произошло, но ведь почти. Ещё бы немного времени, и всё получилось бы окончательно. Пусть даже не прямо сегодня, не прямо сейчас, чуть позже, но обязательно бы, обязательно получилось.

Если бы не объявилась эта чёртова Лиля.

Конечно, занятия не самое лучшее время для воспоминаний. Хотя эти и в любой другой момент были бы не желанны. Алёна отогнала их, но они всё равно время от времени мелькали в сознании отдельными кадрами, выхватывая из прошлого то фразы, то ситуации, мешая полностью сосредоточиться на настоящем. Но группа и правда оказалась довольно сильной. Некоторые даже разговорной речью владели достаточно свободно – сразу ясно, что занимались языком дополнительно или учились в специализированных школах – что уж говорить про чтение и перевод.

Решетников был не из лучших, но и не из худших, обычный средний уровень. С зачётом, если станет добросовестно выполнять задания, проблем не возникнет. Он точно не из тех, кто мается дурью целый семестр, а потом таскается следом, пытаясь взять измором или выклянчить заветную отметку в зачётке.

Он и тут походил на Глеба. Тот тоже излишним усердием в учёбе не отличался, но и никаких особых трудностей не испытывал. После школы поступил в институт, но заканчивал его уже на заочном, потому что после второго курса вынужден был устроиться на работу. И, между прочим, как раз из-за этого парня, из-за Решетникова Дмитрия, который тогда только-только появился на свет.

Даже не верилось, что когда-то он был крошечным младенцем, а ведь Алёна видела это собственными глазами, и в те времена никто не называл его полным именем. Обычно – Димочкой или Димкой. И Алёна так называла. А сейчас это казалось странным. Опять настоящее и прошлое конфликтовали между собой, создавая в мыслях неприятный диссонанс.

Пара закончилась, на несколько минут стало шумно, когда студенты начали подниматься с мест, двигая стулья, убирать в сумки методички, ручки и тетради, переговариваться. Потянулись к выходу. Кто-то стремился выскочить из аудитории побыстрее, а вот Решетников не торопился. По-прежнему сидел, но уже развернувшись на стуле боком, и трепался со своим соседом.

Тот поднялся первым, даже можно сказать, вырос над столом. Длинный, и имя у него как раз в тему – Ростислав. Если произносить полностью. Но одноклассники обычно называли его уменьшительно – Ростик – в большинстве своём глядя на него снизу-вверх, и это смотрелось забавно.

Алёна тоже сидела на месте. Ей вообще можно не вставать, ведь никуда не надо идти. Сейчас у неё ещё одна пара в этом же корпусе, в этой же аудитории, только группа другая – 3123. А парни наконец-то двинулись к выходу, поравнявшись с преподавательским столом чуть притормозили.

– До свидания, Алёна Игоревна, – с показательно-вежливой улыбкой выдал Ростик. – До новых встреч.

– До свидания, – качнув головой, откликнулась Алёна.

– До свидания, – тихо произнёс Решетников, остановившись, опять посмотрел вопросительно, как в самом начале пары.

А глаза у него действительно серые, слишком-слишком знакомые. Ощущение такое, будто смотрит на тебя не человек, а твоё давнее прошлое и спрашивает: «А ты помнишь?»

– Ну, долго вы там? – раздался нетерпеливый окрик.

Предназначался он точно не Алёне. Парням. В дверном проёме их поджидала девушка, из той же группы. Алёна не запомнила пока ни имя её, ни фамилию. Не нашлось ничего яркого, что зацепило бы и прочно отпечаталось в сознании – просто симпатичная, милая, приятная.

Парни ускорились, девушка шагнула за порог, те двое за ней следом, и аудитория окончательно опустела. Если, конечно, не считать Алёну.

Чуть-чуть пройдя вдоль по коридору, Дима оглянулся. Как-то неосознанно получилось, само собой, и даже смысл этого действия не особо был понятен. Чего он там рассчитывал увидеть? А Ростик заметил. Его брови с многозначительным удивлением поползли вверх, губы вначале вытянулись, потом разошлись в широкую пошловатую улыбку.

– Димон, а ты, похоже, впечатлился. Да? – с пониманием протянул Ростик. – На новую англичанку запал? Я угадал? – Он мечтательно уставился в потолок, согласно кивнул. – Она, конечно, ничего такая. В самом соку. И как раз

в моём вкусе.

Идущая чуть впереди Ксюша тоже оглянулась, снисходительно глянув на Ростика, фыркнула.

– Да в твоём вкусе вообще всё, что движется. А иногда и то, что не движется, тоже.

Но тот проигнорировал её замечание. Да с него любые насмешки, как с гуся вода, и вообще неизвестно, чьи слова кого сильнее задевали. Поэтому Ростик, показательно не обращая внимания на Ксюшину критичность, принялся развивать тему:

– Димон, – он прицельно прищурился, продолжая довольно лыбиться, – а может... а? Попробуем, подкатим? И посмотрим, у кого из нас быстрее получится?

– Да успокойся уже! – поджав губы, выдала Ксюша. – Не все такие извращенцы как ты.

– А Ксюха-то напряглась, – многозначительно пропел Ростик, растягивая губы всё шире и шире.

Интересно, у него ещё щёки не заболели от нескончаемых улыбок?

– Ну и напряглась. И что? – с вызовом воскликнула Ксюша. – Потому что достал ты уже со своими глупостями.

– Да ладно? – не унялся Ростик. – А точно из-за этого? Или всё-таки из-за Димочки разволновалась? Вдруг он не станет больше дожидаться, пока ты созреешь, а перекинется на что-то более спелое и аппетитное.

Ксюша опять фыркнула, смерила Ростика пренебрежи-

тельным взглядом.

– Слюни подбери. И вообще, ты просто слишком озабоченный, чтобы других оценивать адекватно. Говорю же, не все, вроде тебя, только об одном и думают.

– Так я разве о том? – Ростик изобразил праведное негодование. – Я ж исключительно о любви. Которая высокая и светлая. – Он воззрился на приятеля. – Димон, а ты-то чего молчишь? Уже разрабатываешь план действия?

– Какого действия? – озадаченно вскинулся Дима.

– Ну, как какого? – хохотнул Ростик. – Как будешь подкапывать к Алёне Игоревне. Чтобы я тебя не опередил.

– Да не, – Дима мотнул головой.

– А чего ж тогда задумчивый такой?

– Мне кажется, я её откуда-то знаю. Видел. Раньше.

– Да наверняка видел, – опять вклинилась Ксюша. – Прямо здесь, в универе. Например, на кафедре в преподавательской, когда к Светочке за зачётом ходил.

– Наверно, – послушно согласился Дима, даже не задумавшись.

– А насчёт спора-то как? – влез Ростик, и Дима посмотрел на него, поморщившись, произнёс спокойно:

– Может, и правда, заткнёшься уже? Реально достал.

Ростика и тут не пробрало, и выводы он сделал свои, всё такие же самонадеянные.

– Ну ни фигя себе! – воскликнул торжествующе. – Это чё, выходит, я прав? Димон на англичанку запал.

Ему никто не ответил. Потому что – бесполезно. Он всё равно не заткнётся, если хоть как-то реагировать на его слова. Единственное работающее средство – просто молчать. А без отклика Ростика надолго не хватало, уже проверено.

Дима, вместо того, чтобы, как остальные выйти с лестничной площадки в коридор второго этажа, свернул в сторону следующего пролёта, бросил ещё не успевшим ничего осознать одноклассникам:

– Вы идите. Я сейчас. Мне надо. – И заскакал вниз по ступенькам.

Ему действительно надо – хотя бы на минуту остаться одному. Всё равно где, лишь бы избавиться от гудения этих назойливых голосов, насмешливой прямолинейности туповатых фраз и просто подумать.

Алёна Игоревна. Алёна. Алёна? И правда что-то особенное было для него в этом имени.

5

По улице гулял студёный ветер, подбирал с тротуара катившую по нему мелкую снежную пыль, пытался бросить в лицо, но сил не хватало. Поэтому он так и мёл под ногами, шлифовал подёрнутый тонкой ледяной коркой асфальт.

Если бы не щедро рассыпанный песок идти было бы трудно. Скользко. А хотелось побыстрее добраться до остановки, заскочить в первый же подходящий транспорт, не важно, автобус или троллейбус, спрятаться от этого самого неприятного ветра, ну и оказаться дома тоже хотелось побыстрее.

Алёна немного не дошла до перехода, когда к тротуару подкатила машина, остановилась. Поначалу Алёна не обратила на неё внимания, но настойчивый сигнал заставил её повернуть голову и задуматься. Не надолго. Всё стало понятно почти сразу, и машина оказалась знакомой.

Точно, Шарицкий. Пересеклись в очередной раз. Что неудивительно и весьма предсказуемо. У них тут учебно-тренировочный центр недалеко от университета.

У кого у них? У местного управления МЧС. Ведь теперь Андрей Шарицкий не просто «Чип и Дейл» на любительском уровне, а профессиональный спасатель и сам гоняет новобранцев в этом учебно-тренировочном центре.

Но вообще, они с Алёной ещё со школы знакомы, с самого первого класса. И у Андрюхи уже тогда это ярко проявля-

лось – стремление помогать, опекать, спасать. Он и внешне вполне соответствовал тем самым мульташным бурундукам – невысокий, но крепенький, с вечно взлохмаченным светло-каштановым чубчиком – и долго таким оставался. Зато потом, когда учились в старших классах, Шарицкий резко вытянулся, построился, черты лица прорисовались твёрже и острее, и даже небрежно взлохмаченный чубчик стал смотреться весьма привлекательно и стильно.

Он и сейчас такой – натренированный, подтянутый, симпатичный. Не чубчик, конечно же, Андрюха. И волосы у него уложены вполне прилично, не ершатся непокорно в разные стороны. Вполне себе красавец-мужчина, почти идеал. При звании, при серьёзной работе, при достойной машине и при жене. Наверняка тоже красавице.

– Алён, привет! – Шарицкий приглашающе распахнул дверь.

– Привет! – привычно откликнулась она.

– Подвезти?

– Ну, если тебе не сложно...

– Не сложно. Ты же знаешь. – Он улыбнулся, заверил: – Как обычно, доставлю, куда скажешь.

– Ну, раз как обычно, – произнесла Алёна, усаживаясь в кресло и пристёгиваясь, – то скажу «Домой».

А Шарицкий чуть отвернулся, чтобы заглянуть в боковое зеркало, продолжая говорить:

– Если надо, могу и ещё куда.

– Не надо, – возразила Алёна. – Правда, Андрюш, лучше всего домой.

Машина тронулась с места, отъехала от тротуара, вливаясь в общий поток.

– А не хочешь перекусить? – коротко глянув, неожиданно поинтересовался Шарицкий, предложил: – Давай заедем куда-нибудь.

– А что, жена тебя больше не кормит? – не удержавшись, поддела Алёна. Само вырвалось. Потому что всегда было так, и в детстве, и в юности. И сейчас получалось раньше, чем она успевала осознать.

Опять это прошлое не хотело отступать, вклинивалось в настоящее, хотя всё безвозвратно и основательно изменилось. С Глебом они давно не соседи и вообще много лет не виделись, школа и подростковые метания остались далеко позади, Алёна преподавала английский язык в техническом университете, а Андрюха Шарицкий был взросл, почти солиден и женат.

Но на подколку он, как и раньше, не повёлся, не обиделся, невозмутимо дёрнул плечом, заверил на полном серьёзе:

– Ну, обычно-то кормит. – И пояснил: – Но сейчас Маринка с подругой на неделю в Грузию укатила.

– Почему с подругой? – озадачилась Алёна.

– А почему нет? – с прежней невозмутимостью откликнулся Шарицкий. – Они каждый год так куда-нибудь ездят. Вспомнить юность, отдохнуть от забот, от семьи.

Неизвестно, как обстояли дела у подружки, но Андриюхиной жене – с чего бы от семьи уставать? Они только вдвоём, детей нет, а Шарицкий частенько мотается по командировкам, а те обычно длятся не день-два. Даже Алёна в курсе.

– Кстати, твою Марину не беспокоит, что ты с другой женщиной на машине катаешься, в рестораны её приглашаешь?

Шарицкий ответил не сразу, несколько секунд молчал, возможно, сосредоточен был на чём-то другом, а потом поинтересовался, не отрывая взгляда от дороги:

– А у неё есть причины для беспокойства?

Скорее всего, Алёне привиделось что-то такое чересчур многозначительное в этом вопросе. Неправильно разобралась в интонациях. Или просто придумала. Подобное хоть уже и редко, но всё равно иногда с ней случалось, когда каким-то несущественным или даже существующим исключительно в её воображении вещам она придавала особую важность, которой на самом деле и в помине не было, даже на уровне намёка. И следующие фразы прозвучали почти что камнем в собственный огород.

– Ну, некоторым повод и не нужен. Сами придумают, сами себя накрутят, потом ещё и обидятся. Хотя уверена, твоя Марина не из таких.

– Вот именно, – подтвердил Шарицкий.

Под стать мужу – настолько же идеальная жена.

Правда иногда закрадывалось сомнение, а есть ли она вообще. Но у Шарицкого обручальное кольцо на безымянном

пальце, да и какой смысл ему врать. Это Алёне частенько приходилось выслушивать удивлённые восклицания: «Как? Ты до сих пор не замужем? А почему?» За ними обычно следовал внимательный взгляд, чересчур въедливый и пристальный, словно собеседник пытался обнаружить у неё какие-то отклонения и изъяны, не замеченные им поначалу, типа признаков ужасной болезни или умственной отсталости. А для мужчины – чем дольше сумел сохранить личную свободу, тем круче.

Значит, женщин вокруг него слишком много, и он не в состоянии определиться. Или самая достойная для настолько необыкновенного до сих пор не нашлась. Та, что способна окончательно и бесповоротно растопить его суровое сердце до податливой розовой лужицы под своим острым каблучком. Ведь внешне даже не заподозришь, что у подобного есть какие-то другие проблемы в общении с противоположным полом.

Вот и у Андрюхи их не должно быть, а то, что есть жена – очень даже вероятно. Только Алёна никак не может представить, как та выглядит. Хоть фотографию с Шарицкого требуй.

А он, между тем, продолжил без перехода:

– Ужинать одному скучно. В компании и веселей, и вкуснее.

– Ну так и прихватил бы кого из... – Алёна на мгновение замялась, подбирая нужное слово, – сослуживцев. У вас же

так называется?

Шарицкий соглашаться или возражать не стал, хмыкнул снисходительно.

– Зачем ещё? – Добавил, улыбнувшись: – Я же знал, что встречу тебя.

– Ахаха, – иронично выдохнула Алёна. – Прямо-таки знал?

– Угу, – уверенно подтвердил Шарицкий. – Просто я так и хотел. Денёк выдался не самый приятный. А только с тобой мне настолько комфортно и легко. – Она не успела спросить, он сам ответил: – Наверное, потому что мы знакомы слишком давно, и знаем друг о друге гораздо больше, чем кто-то ещё.

(прошрое)

В первом классе их посадили за одну парту, в первый же день на первом же уроке, хотя поначалу они устроились на разных, не потому что хотели, а потому что так сложилось, когда после торжественной линейки парами заходили в кабинет. Алёне в компанию досталась полненькая девочка, которая оказалась на голову её выше, а с кем был Шарицкий, она вообще не заметила, не разглядела – не до того ей было – и даже о существовании его она пока не подозревала.

Когда все расселись и растерянно притихли, учительница оценивающим взором окинула класс, озадаченно поджала губы, обнаружив, что самые мелкие почему-то оказались на самых дальних местах и, не откладывая в долгий ящик, перетасовала всё так, как посчитала нужным. После чего Алёна с Андрюхой очутились на соседних стульях за второй партой у окна, и на первой же перемене, Шарицкий, не говоря ни слова, достал из портфеля и положил перед соседкой конфету в бело-красно-зелёной обёртке. Самую простую, «барбариску». Алёна такие всех больше любила, из леденцовых. За то, что не слишком сладкие, с приятной живой кислинкой и за смешное непонятное название. Ну, не знала она тогда, что такое барбарис.

Алёна, недолго думая, подхватила конфету, хотя есть её

не стала – она же «долгоиграющая», за перемену не успеешь. И что тогда? Спрятать её за щекой и надеяться, что учительница ничего не заметит?

«Барбариска» перекочевала в карманчик на сарафане, а Алёна чинно выговорила:

– Спасибо, – и тут же сообщила: – Меня Алёной зовут.

– Я знаю, – откликнулся сосед с крайне серьёзным видом. – А меня Андрей. – Он секунду поразмышлял и добавил: – Шарицкий.

Последнее слово запоминается лучше всего. А ещё эта фамилия почему-то показалась Алёне созвучной «барбариске» и понравилась куда больше, чем самое обычное «Андрей».

Шарицкий, а она – Одинцова. У обоих есть буква «ц», которая встречается довольно редко. И имена у них начинаются одинаково, на «А». Алёна уже тогда любила находить тайные смыслы – там, где их, скорее всего, не существовало, – и выводить закономерности. И её очень даже устроило, как всё сложилось само собой, она не посчитала необходимым налаживать тесные отношения с кем-то ещё. Просто приятельские – это ладно. А так...

Дома у неё есть Глеб, а здесь в классе пусть будет Шарицкий. Этого вполне достаточно.

Ну и что, что он мальчик? Для дружбы пол не имеет значения. Ну, по крайней мере тогда ещё точно не имел. Да и потом вроде тоже.

Парты менялись, но первоначальная комбинация сохра-

нялась. Потому что им так было удобно. Даже в чисто деловом плане: Алёна помогала Андрюхе с русским и английским, а он ей с физикой и химией. Да и в плане общения тоже. И в первом классе, и в четвёртом, и в девятом.

Для Алёны он всегда оставался лучшим другом, возможно, даже подругой. Его это тоже вполне устраивало. И он единственный (ну, почти единственный) из всех знал, какие чувства Алёна на самом деле испытывала к Глебу.

Она не рассказывала, Андрюха сам догадался. И не сказать, что поддерживал, просто относился с пониманием, даже с каким-то слегка исследовательским интересом. Лишний раз не дразнил, но иногда расспрашивал о чём-нибудь, искренне недоумевая и пытаясь разобраться. Например, о таком:

– И чего в нём особенного?

– Тебе всё равно не понять, – меланхолично откликнулась Алёна.

– Почему? – Шарицкий сосредоточенно хмурился, критично кривил губы.

– Потому что ты, – Алёна многозначительно приподнимала брови, делала паузу, чтобы он успел предположить, сейчас она скажет «полный дурак», но она говорила другое: – не девушка.

– Ну если так, то да, – невозмутимо соглашался Шарицкий и не добавлял, что даже с позиции девушки Глеб вряд ли выглядел особенно, и вообще, вкусы и чувства девушек –

вещь довольно странная, далёкая от логики и здравого смысла.

В тот день они возвращались из школы позже обычного. Потому что всем классом репетировали номер к конкурсу военной песни. Не то, чтобы Андрюха Алёну провожал, просто, как выяснилось ещё давным-давно, они и жили недалеко друг от друга, и большая часть пути у них общая, вплоть до угла Алёниного дома. Дойдя до него, она направлялась к родному подъезду, а Шарицкий топал дальше ещё через пару дворов.

На этот раз до угла они чуть-чуть не дошли. Потому что, проходя мимо недавно оборудованной новенькой детской площадки, Алёна зацепилась взглядом за качели, и ей невыносимо захотелось покачаться. Ну да, в пятнадцать лет подобное иногда тоже случается. Не говоря ни слова, она свернула в нужную ей сторону, Шарицкий тоже молча, не возмущаясь, не спрашивая, послушно двинулся следом.

Алёна бросила сумку на лавочку, устроилась на узком сиденье, Андрюха застыл рядом, привалившись к металлической опоре качелей.

Родной Алёнин подъезд с этой позиции очень даже хорошо просматривался, вот она и увидела без труда, как из него выходил Глеб. И не один. С Лилей. И Шарицкий увидел. А вот их те двое не заметили – пялились только друг на друга, переговаривались и улыбались абсолютно по-дурацки.

(прошное)

Алёна хотела отвернуться, но не получилось. Тоже пялилась, словно испытывала особое удовольствие от того, как болезненно щемило сердце. Ещё и Шарицкий, будто нарочно, с заинтересованным любопытством уточнил:

– Это она?

– А самому не догадаться? Никак.

Конечно, она, Лилечка-крокодилечка. Счастливо лыбится во все тридцать два зуба. Довольная. Круглое лицо разругмнилось. У неё же щеки, наверное, даже со спины видно.

– Поторопились свалить, пока родители с работы не пришли? – неожиданно вывел Шарицкий.

– Ты о чём? – вскинулась Алёна.

– Да ни о чём, – Андрюха дёрнул плечами. – Просто, к слову.

Ну да, конечно. И Алёна не дура, чтобы не понять. Чем ещё могла заниматься влюблённая парочка в пустой квартире, когда кроме них никого больше нет?

Фу, гадость! И – вдруг всё-таки нет?

А Шарицкий – придурок. Зачем он это сказал? Друг, называется. Без его намёков Алёне, скорее всего, подобное в голову бы не пришло. По крайней мере, вот прямо сейчас, только бы позже, потом. Но что могло быть потом, сейчас-то

не настолько важно. А тут, хочешь – не хочешь, а уже не выходит не думать, не представлять, и это, словно отковыривать корочку с подсохшей ранки – больно, и кровь наверняка потечёт. Но всё равно не удержаться.

А Шарицкий отлип от металлического столба, ухватился за одну из штанг, на которых крепилось сиденье, ровно над Алёниной ладонью, и как всегда невозмутимо и даже чуть лениво предложил:

– А пойдём тоже куда-нибудь ходим. Например, на дискотеку в «Юбилейный».

Получше ничего не придумал?

– А тебя туда пустят? – насуплено поинтересовалась Алёна. – Не скажут, что ещё маленький, не дорос?

Наверное, это тоже не совсем по-дружески, подкалывать на самую чувствительную тему, но он ведь абсолютно похожее только что сделал этим своим намёком. Вот и пусть ощутит то же, что и Алёна, по полной. Как и полагается другу, разделит пополам и горечь, и беды, и боль. Но Шарицкий и не думал обижаться.

– Рост не главное, – произнёс он наставительно и твёрдо. – Главное – уверенность в себе.

– Ага, – Алёна хмыкнула. – А когда возразить нечего, сыпь цитатами.

– Это – не цитата, – не теряя спокойствия, возразил Шарицкий. – Я на самом деле... так считаю. – Помолчал секунду и добавил с прежней непробиваемой невозмутимостью: –

А не хочешь в «Юбилейный», тогда пошли в Макдональдс. Можно прямо сейчас.

– Зачем?

– Поедим чего-нибудь. У меня деньги есть.

– Поедим? – Ей, можно сказать, плохо, а у него мысли только об одном, либо развлечётся, подёргаться на дискотеке, либо пожрать. – Не получается вырасти в высоту, так ты решил в ширину?

Но Шарицкого и тут не проняло.

– Просто гамбургера захотелось. Там, говорят, сейчас какие-то новые появились. Ещё вкуснее. И картошки фри.

Алёна судорожно сглотнула неожиданно наполнившую рот слюну, проворчала сердито:

– Ну пошли. А то ещё окочуришься с голоду. – Она поднялась с качелей, направилась к лавочке, чтобы забрать валившуюся на ней сумку. – А деньги-то у тебя откуда?

– Заработал, – доложил Шарицкий.

– Да ладно. Это где это?

Он отмахнулся:

– Какая разница?

Если честно – никакой. Шарицкий явно не из тех, кто будет проворачивать что-то незаконное, слишком много у него принципов и идеалов. Да и мал ещё.

Для Макдональдса отстроили специальный павильон, напоминающий аквариум, со стеклянными окнами во всю стену, так что он просматривался почти насквозь. Народу там

вечно набиралось много, даже в будние дни и в рабочее время. Рекламные плакаты со всякой аппетитной снедью красовались прямо на стёклах и дразнили, вызывая ещё на подходе повышенное слюноотделение, прямо как у собак Павлова. Наверное, один из них и вдохновил Шарицкого на новую идею.

Всего несколько шагов до двери не дошли, а он повернулся к Алёне и спросил:

– Может, тебе «Хэппи Мил» взять?

Она даже на нашлась что сказать, споткнулась на ровном месте, выпялилась на него.

– Там игрушка есть, – пояснил Шарицкий со значением.

– И-и? – угрожающе протянула Алёна.

– Девушки же любят игрушки, – с абсолютно невинным и крайне серьёзным выражением на физиономии выдал Шарицкий.

Алёна с шумом выдохнула.

– Вот объясни мне, Андрюшенька, как точно определить: ты тупишь или издеваешься?

– Я не издеваюсь, – искренне заверил Шарицкий. – И не туплю. – Потом чуть наклонил голову и загадочно глянул исподлобья. – Просто ты такая смешная, когда злишься.

– Я! Те-бя! Убью! – застыв на месте, на полной громкости продекларировала Алёна, не обращая внимания на окружавшую их толпу, ухватила Шарицкого за грудки.

На них тут же принялись встревоженно оглядываться.

– Ну хорошо, хорошо, – смиренно пробормотал Андрюха, взяв её за запястья и пытаясь отцепить от себя, и при этом тайно улыбался уголками рта. – Убьёшь. – А потом страдальчески скривился, протянул умоляюще: – Только давай всё-таки поедим вначале. Зря что ли пёрлись?

Нет, Алёна его не убьёт, она сама гораздо раньше сдохнет, от бессилия, от обречённости, от разрывавшей её на части дилеммы «заржать или разрыдаться?». Она присела на корточки прямо там, где стояла, накрыла голову руками.

Вот тут Андрюха заволновался, склонился над ней, ухватив пальцами ткань куртки на плече, подёргал осторожно.

– Алён, ты чего? Алён!

Она убрала руки, запрокинула лицо, глянула на него снизу-вверх.

– Ничего, Шарицкий. Ничего. Ты иди, купи мне «Хэппи Мил». С нагетсами. И с «Фантой». Безо льда. А ещё этот твой новый гамбургер. А главное – про игрушку не забудь. Понял? Главное же – игрушка. А я пока свободный стол найду и займу.

Они вошли внутрь павильона, Шарицкий направился к кассам, а Алёна бродила по залу в поисках обещанного свободного стола. Правда она его так и не нашла. Один раз чуть не повезло, но она уступила место семье с девочкой лет трёх. А с Шарицким они устроились прямо на улице, на бордюре, усевшись верхом на школьные сумки. И Шарицкий всё-таки купил Алёне «Хэппи Мил». С игрушкой – дурным жирафом

с абсолютно безумным выражением на морде и окосевшими глазами.

У него ещё проволока была внутри длинной шеи, и та гнулась, фиксировалась в самых разных позах. Но потом сломалась, гораздо позже. А сам жираф вроде бы до сих пор хранился где-то в квартире у родителей.

Ну вот, примерно так всё и происходило, пока они учились в школе. А после её окончания Шарицкий уехал в Иваново, поступать в пожарно-спасательную академию. И ведь поступил, и отучился. Там же, в Иваново, он познакомился с Мариной, женился и остался жить. Хотя потом всё-таки вернулся в родной город, и года два назад они с Алёной случайно встретились недалеко от университета, в котором она преподавала. И по сути он мало в чём изменился – при каждом удобном случае пытался Алёну подкормить. Правда больше не тащил её в МакДак, выбирал заведения посolidней. Ну и до дома подвозил, как доводил когда-то, хотя теперь их пути не совпадали, прямо возле университета расходились в разные стороны.

8

Перед тем, как выскочить из автобуса на своей остановке, Ростик, многозначительно вылупив глаза и сделав рукой нелепый жест, видимо, предназначенный для того, чтобы привлечь внимание и добавить особой важности последовавшим за ним словам, поинтересовался:

– Димон, ты помнишь? Завтра английский!

– И?

Ответить Ростик не успел. Стоявшая сзади бабка, нетерпеливо подтолкнула его в спину в направлении открывшихся дверей, сердито пробубнила:

– Так выходишь ты или нет?

И Ростик вынужден был выкатиться наружу, но, пока автобус не отъехал, торчал на остановке, корчил рожи и размахивал руками, продолжая беззвучную беседу. Дима сочувственно взирал на него, но никак реагировать, тем более поддерживать это идиотское представление, не собирался. Но, стоило автобусу покатить дальше, оставив позади себя цирк в исполнении одного озабоченного клоуна, заговорила Ксюша, спросила тихонько:

– Дим, а вы реально с Ростиком на спор к англичанке подкатывать собираетесь?

В её интонациях было скорее не осуждение, а сожаление и настороженность, ну, или ещё что-то похожее, но необъяс-

нимое словами. Только разговаривать на эту тему совершенно не хотелось.

– Это ж Ростик придумал, вот у него и спрашивала бы, – старательно избегая излишней резкости, откликнулся Дима. – Собирается он или нет?

– Про него я и так знаю, – снисходительно хмыкнула Ксюша. – Он и на бóльшую глупость способен. – И опять интонации сменилась, стали более искренними и серьёзными: – Только меня не он интересуется, а ты.

Но Диме по-прежнему не хотелось обсуждать серьёзно подобные глупости. Да даже если не глупости.

– По-твоему, я тоже с головой не дружу? И могу на кого-то там спорить.

Ксюша помедлила несколько мгновений, потом пожала плечами и задумчиво выдохнула:

– Не знаю.

– Что не знаешь? – Дима почувствовал лёгкую досаду. – Дружу я с головой или нет?

– Дим! – воскликнула Ксюша. – Ну я же не о том. И дело даже не в споре. Можно же и без него. Подкатывать. – Она опять сделала паузу. Похоже, собиралась с решимостью. Или чего-то там додумывала, подстёгивая и без того не в меру разыгравшуюся фантазию. – А эта Алёна, она и правда... ну, такая?

– Какая?

– Ну... чтобы тебе понравиться. Она ведь гораздо старше.

– Вы стоворились что ли? С Ростиком. Вам больше заняться нечем? Я же вроде объяснил. Мне показалось, что я её откуда-то знаю. Или знал когда-то. Обычное любопытство. Не надо во всём искать какие-то особые смыслы. Ксюш, всё гораздо проще. А усложняем обычно мы сами. – Он подумал и исправился: – Вы с Росом усложняете.

И с чего вдруг он ударился в философию и объяснения? Когда можно просто сказать: «Всё, хватит. Не о чем тут говорить». И что происходит с Ксюхой? Ведь не на самом же деле её взволновала этическая составляющая спора на чужие чувства (ну надо же, как загнул!), хотя она довольно шепетильна в подобных вопросах.

Неужели приревновала? И теперь у неё никак не получается успокоиться.

– Так она тебе – не нравится?

А разве она может не нравится? Светлые волосы, густые, пушистые, собранные в чуть небрежный пучок, большие выразительные глаза. И черты лица не менее выразительные, одновременно нежные и строгие. Поэтому она кажется то беззащитно хрупкой, то неприступно самоуверенной.

– Дим!

– А?

– Почему ты не отвечаешь?

«А почему ты, Ксюша, спрашиваешь?»

– Ну-у, она, конечно, очень даже. Но...

Ксюшу вполне удовлетворила многозначительная пауза,

дальше она додумала сама – что ей самой хотелось услышать – сдержанно улыбнулась, почти незаметно, и предложила:

– Тогда, может... встретимся вечером?

«Зачем?» спрашивать глупо. Явно, не чтобы увидеться чисто по-приятельски.

И чего он раньше не додумался, проявить интерес к другой, раз это реально настолько действенно? Потому что уверен был, Ксюха на подобное не купится.

Болван. Очень даже работало. А ведь она уже год динамила его под предлогом, типа не уверена. Вдруг у них не получится, а не хочется рисковать уже сложившимися дружескими отношениями. А теперь сама предлагала свидание.

Ощутила, как опасно натянулся поводок, на котором она держала его всё это время, не соглашаясь, но и не отказывая окончательно? Испугалась, что он сорвётся с привязи, или просто не захотела делиться даже тем, что самой без особой надобности?

Хотя, почему это без надобности? Тогда бы она не смотрела на него с неприкрытой надеждой и ожиданием.

А Алёна Игоревна – ну, это так, в качестве бреда. Всё только из-за глупого ощущения, будто их что-то связывало.

– Хорошо, – Дима кивнул, но почти сразу спохватился. – Ой, нет. Только не сегодня. У папиного знакомого ноут глючит, надо срочно посмотреть и исправить. А я сказать не могу заранее, сколько это времени займёт. Давай лучше завтра.

Ксюше не удалось сдержать выражение разочарования, а

ещё – вроде бы подозрительности. Подумала, он специально отложил на сутки? Чтобы в очередной раз поглядеть на Алёну и только тогда решить окончательно.

– Ксюш, ну правда. Я уже папе пообещал. Я же не знал, а то бы, конечно, на другой день договорился. Или, подожди, сейчас я ему позвоню и...

– Не надо, – перебила Ксюша, удовлетворённо улыбнувшись, дёрнула плечом. – Завтра так завтра. Я не против.

А вообще он, конечно, порядочная скотина. На то ведь и рассчитывал, создавая впечатление, что ради неё готов в любой момент изменить свои планы. Так и предполагал: Ксюша сразу проникнется, а не примется обижаться и настаивать.

И что с ним такое? Сам обиделся? Ведь пока не появилась соперница, пусть даже гипотетическая, он был ей не особо-то нужен. А теперь вдруг – надо же! Дима всё-таки не настолько идиот, чтобы в восторге от сбывшегося желания не замечать очевидного.

Или это всего лишь тупые фантазии, взбрыки уязвлённого мужского самолюбия?

9

Перед английским Ростик, взбудораженный и взбодрённый пробежкой по лёгкому морозцу на предшествующей физкультуре, опять разошёлся не на шутку.

– Димон, ну так чего ты решил?

Друг энтузиазма не выказал.

– Ничего, – выдал равнодушно.

Даже Ксюша промолчала.

С Димой они пересеклись ещё по дороге в универ, оказавшись в одном троллейбусе, а те, между прочим, проезжали раз в пять минут, потому случившееся всё-таки больше относилось к разряду маловероятного, и, похоже, Ксюша посчитала его за счастливый знак. И почти сразу спросила про вечер, а он, конечно, подтвердил, что всё в силе. А с чего бы планам меняться?

Вот она и взирала снисходительно на обычные Ростиковы выкрутасы, как взрослый на забавные детские шалости. Умиляться не умилялась, но строила уже не столь рьяно. Тот поначалу даже растерялся, а к третьей паре – ничего – привык и даже не пытался выяснять причину подобных странностей. Но предстоящий английский его слегка раззадорил.

– А как же Алёна Игоревна? – Ростик с негодованием уставился на Диму, но тот опять не проникся и не заинтересовался.

– Да ей и тебя будет достаточно.

Правда произнести эту фразу оказалось не слишком просто. Да в общем-то и не сложно, просто не получилось, насколько хотелось, беззаботно и безучастно. Но тут всё-таки Ксюша не выдержала, хмыкнула, смерила Ростика критичным взглядом.

– И не всех же... тянет... на старушек.

– Это ты, Ксюх, зря! – решительно возразил тот. – Алёна – не старушка. Ну, сколько ей? Лет двадцать семь или двадцать восемь?

– Ну, конечно, – Ксюша поморщилась неодобрительно. – Явно за тридцатник. Может, и все сорок.

– Да шас! – Ростик глянул на неё с пониманием, ухмыльнулся покровительственно, успокаивающе. – Ксюх, не завидуй. И не переживай. Ты тоже по-своему ничего. Просто я предпочитаю женщин постарше и поопытней. – Он опять ухмыльнулся, теперь уже чересчур многозначительно и пошло-ловато. – Они ещё и чему-нибудь интересенькому научить могут. Да, Димон?

– Я-то при чём?

Они уже дошли до нужной аудитории, остановились возле дверей, не торопясь заходить внутрь. Точнее, Ростик всех затормозил, вцепился в Димин рукав, уставился в лицо и, продолжая сально лыбиться, запричитал:

– Ой, только не говори мне, что ты ни разу не спал... ни с одной... чтобы старше. Гораздо.

Дима нахмурился раздражённо-устало.

– Да с чего я перед тобой отчитываться должен?

Опять забыл, что в случае с Ростиком на подобные вопросы надо отвечать однозначно и прямо, иначе так и получится – самодовольный смешок и нужный ему вывод:

– То есть, спал? Да? Спал!

Ксюха закатила глаза, собираясь в очередной раз высказать что-то весьма осуждающее и критичное, но тут прозвучало совсем рядом, достаточное громкое и твёрдое:

– Я могу пройти?

Слишком неожиданно. Дима резко дёрнулся, развернулся и оказался, ну, чуть ли не лицом к лицу. И глаза, нежно-голубые, те самые, выразительные, как-то уж чересчур близко. Загородили весь свет – кроме них и не увидать больше ничего.

Радужка светлая, а зрачок тёмный, расширился – невозможно не заметить – и сразу опять сузился. И вместе с ним что-то там в груди точно так же распахнулось на мгновение или даже – разверзлось, ни границ, ни дна. Но тут же снова сжалось до обычного состояния. Вроде бы обычного. Но на самом деле – нет. Потому что успело, всё-таки успело voltar в себя – чужеродное, лишнее. Не то, чтобы плохое, неудобное, но без него было точно и спокойнее, и комфортнее, и проще.

– Я могу пройти? – повторила Алёна Игоревна. Интонации по-прежнему ровные, прохладные.

Он тоже откликнулся вполне так спокойно:

– Конечно, – и вежливо отступил в сторону.

Англичанка шагнула в дверной проём, Ростик встрепенулся, бросился следом:

– Алёна Игоревна! Алёна Игоревна, а я вас так ждал, так ждал. Знаете, когда я перевод текста делал, у меня тут проблемы возникли. В одном месте.

Ага, проблемы у него – в одном месте.

Ксюша тихонечко фыркнула, провожая его взглядом, качнула головой.

– Вот ведь придурок озабоченный.

Алёна Игоревна отшила Ростика быстро и просто.

– Занятие вот-вот начнётся, на нём и разберём, где там у вас возникли трудности. Все вместе.

– Но-о... – обиженно протянул Ростик.

Алёна Игоревна чуть наклонила голову, улыбнулась сдержанно, проговорила негромко и мягко:

– Пройдите, пожалуйста, на место. – Коснулась пальчиком изящных часиков, обхватывавших тонкое запястье. – Уже пора.

Ростик, сделав трагическое лицо, протопал к свободному стулу, плюхнулся. Дима отвернулся к окну, вперился взглядом в низкое серое небо.

Реальность отодвинулась, даже разговоры не мешали, сливались в фоновый шум, лёгкие помехи эфира. А тот и сам по себе был как-то необъяснимо пуст, даже не думалось осо-

бо. Мысли текли медленным потоком, вязким и мутным – ничего не разобрать. Просто плыть, безвольно раскачиваясь на неторопливых волнах, и очнуться, только услышав громко произнесённую собственную фамилию.

– Решетников!

Позови его кто-то другой, Дима, возможно, и не услышал бы, не обратил внимания, а сейчас, пусть не моментально, но повернулся, откликнулся.

– А?

Глянул растерянно, озадаченно.

– Для вас действительно английский настолько скучен, что даже глухая стена соседнего корпуса кажется намного интересней?

Ни возмущения, ни лишней язвительности, будто действительно смысл вопроса заключался именно в этом.

Дима мотнул головой.

– Да нет, не настолько.

Блин! Чего он несёт-то? Но Алёна Игоревна и тут не обиделась, не возмутилась, поинтересовалась вроде бы даже обеспокоенно:

– С вами всё в порядке?

Да в том-то и дело, что нет, и именно это сильнее всего раздражает.

– В порядке, – сухо заверил Дима и тут же добавил, почти без паузы: – Можно я выйду?

Алёна Игоревна опять отреагировала спокойно, согласно кивнула:

– Ну, хорошо. – А после всё-таки добавила: – Только до

конца пары осталось всего минут десять.

– Не важно, – произнёс Дима, поднимаясь, подхватил сумку, ни на кого не глядя зашагал к двери, а, выйдя из аудитории, просто уселся на первый попавшийся на глаза стул.

Стоило паре закончиться, как Ростик и Ксюша нарисовались рядом. Поначалу-то они, скорее всего, планировали нестись чёрт знает куда, типа на поиски, и, может даже, разочаровались, обнаружив приятеля почти сразу, в досягаемой близости.

– Дим, – выдохнула Ксюша, встревоженно и напряжённо округляя глаза. – А ты почему так? Ушёл вдруг. Что-то случилось?

– Ничего, – заявил он невозмутимо, усмехнулся беззаботно и соврал, даже не задумавшись: – Просто позвонить надо было.

Ростик выпятил подбородок.

– О! А я уж было подумал, это такой... – он загадочно покрутил в воздухе рукой, – особый ход.

– Для чего?

– Ну-у...

Договорить ему помешала Ксюша, сердито ткнула в бок.

– Ростик, вот ты реально уже достал. Смирись. Не все такие, как ты. И, кстати, только к лучшему.

– Ой, Ксюх...

Дальше Дима уже не слушал – слишком предсказуемо и привычно. Ксюша воспитывает Ростика, Ростик троллит

Ксюшу, и далее до бесконечности, изо дня в день и на веки вечные.

Так, может, она чуток ошиблась со своими симпатиями, и это Дима тут третий лишний? И вся её прежняя неуверенность вовсе не из боязни подпортить дружбу, просто она ещё не определилась окончательно, с кем ей будет лучше. Ведь с Ростиком пока не стоит рассчитывать на что-то серьёзное, тот ещё долго не перебесится, а с ним, конечно, определённой и надёжной. И ещё.

Иногда много думать – бессмысленно и вредно. Лучше во всём разобраться не в теории, а на практике. Тем более Ксюша, хоть и создаёт впечатление, что ничего особенного не происходит и в ближайшей перспективе не предвидится, время от времени улучшает моменты, украдкой от вездесущего Ростика придвигается поближе, осторожно дотрагивается, заглядывает в глаза, и ведь не скажешь, что эти многообещающие взгляды, эти тайные прикосновения на Диму совершенно не действуют.

Когда уже спускались по лестнице после окончания последней пары, позвонил отец.

– Димка, ты ещё в своём универе?

– Пока ещё да. Но мы уже на выход идём. А что?

– Да я здесь недалеко, – сообщил отец, предложил: –

Подъехать, забрать тебя?

– Ну, давай.

– Только тебе придётся подождать минут десять.

– Хорошо, подожду.

Дима убрал телефон от уха, отключился.

– Кого подождёшь? – тут же влез Ростик.

– Папа обещал подъехать, забрать.

– А-а, – с пониманием протянул Ростик, добавил с лёгкой досадой: – Жаль, мне не по пути.

Дима вопросительно посмотрел на Ксюшу. Хотя им тоже только до определённого момента в одну сторону, потом их дороги расходятся, а отец не обещал развозить по домам кого-то ещё. Но можно будет высадить её возле подходящей остановки.

– Я лучше тоже сама, на автобусе, – откликнулась Ксюша, посмотрела многозначительно, спрятав загадочную улыбку в уголок рта, а когда расходились возле крыльца, тихонько произнесла: – Пока.

Получилось у неё как-то по-особенному мягко и нежно, даже Ростик заметил и чуток насторожился. Но Ксюша ухватила его за куртку, нетерпеливо потянула вслед за собой:

– Не тормози!

И, как ни в чём не бывало, зашагала в сторону дорожки, ведущей к переходу и автобусной остановке.

Ростик вскинул брови, уставившись на Диму, озадаченно хмыкнул, но потом, пожав плечами, бросился вдогонку. Вот и хорошо. Пусть Ксюху и достаёт своим непременно последующим «И что это только что было?». А Дима остался стоять на месте, глядя в сторону подъездной аллеи. Всё равно

отец подкатит прямо к крыльцу, чтобы развернуться.

Отцовский тёмно-серый Hyundai Santa Fe он заметил издалека. Хотя к самому крыльцу машина не подъехала, остановилась чуть поодаль. Дима направился к ней, а отец распахнул дверь и зачем-то начал вылезать навстречу.

– А ты чего? – подойдя, поинтересовался Дима. – В универ собираешься зайти?

Отец махнул рукой.

– Нет. Для чего мне? Просто в багажнике что-то мотается. Хочу посмотреть.

Он и правда обошёл машину, открыл багажник, озадаченно уставился внутрь, потом наклонился и, видимо, что-то поправил или переставил. Дима почему-то тоже не торопился усаживаться в машину, наблюдал за ним. Хотя ведь – совершенно ничего интересного или необычного. А отец выпрямился, захлопнул крышку, развернулся и вдруг – застыл. Потом, чуть наклонив голову, прищурился, будто внимательно всматриваясь, и напоследок, удивлённо вскинув бровь, вопросительно выдохнул:

– Алёнка?

Всю пару Решетников просидел ничего не делая, демонстративно отвернувшись к окну. Хотя насчёт демонстративно, возможно, Алёна сама придумала, а у парня действительно был повод настолько сильно задуматься и ни на что не обращать внимания.

Вдруг дома чего случилось.

Ну да, конечно. Разгоним фантазию до запредельных скоростей, придумаем людям проблемы, посочувствуем, проникнемся, или даже позлорадствуем, а потом выведем к тому, что хочется нам самим. Тоже крайне подходящее занятие во время учебной пары.

Алёна продержалась почти до звонка. И пусть этот игнор устроен не специально, всё равно раздражает и злит. В конце концов – для кого она тут распинается, объясняя?

– Решетников!

Он отреагировал не сразу – путь из прекрасного далёко занял несколько мгновений. Повернулся к ней лицом, посмотрел растерянно, с непониманием. Видимо, вернулся ещё не полностью. А потом почему-то попросился выйти, и Алёна опять подумала, что-то у него всё-таки произошло. Но, в любом случае, её это не касается.

Одну пару с айтишниками она отработала, осталась вторая. После неё возвращаться на кафедру Алёна не будет,

лучше сразу отправится домой. Надо ещё забежать по дороге в магазин, купить что-нибудь на ужин. Или вдруг опять чисто случайно мимо проедет Шарицкий и, как обычно, свозит её в какое-нибудь заведение общепита, пусть даже в ту самую немного пафосную кафешку, в которую они заглядывают обычно. Алёне с ним тоже легко и комфортно, и можно болтать абсолютно обо всём.

Но на этот раз мимо проезжал не Шарицкий. Точнее, не проезжал, а стоял на парковке перед корпусом возле своей машины, на вид весьма солидной, большой, тёмно-серой.

Сначала Алёна его не разглядела, спустилась по ступенькам крыльца прошла несколько метров, намереваясь свернуть в сторону дорожки, ведущей к автобусной остановке, привычно окинула не слишком заинтересованным взглядом окружающее пространство и...

Они произнесли имена друг друга практически одновременно, наверное, и посмотрели одинаково, изумлённо, с сомнением, с недоверием.

– Алёнка?

– Глеб?

Он широко улыбнулся. Точно так же, как и раньше. И с тем же выражением, будто не промчались мимо долгие пятнадцать лет, будто они виделись только вчера, или вот прямо утром, случайно столкнувшись возле дверей расположенных по соседству квартир.

– Ну, конечно, я, я, я, – Глеб уверенно шагнул навстречу,

поинтересовался, чуть насупив брови: – Неужели так неузнаваемо изменился?

– Совсем нет, – Алёна замотала головой. – Но... – тоже улыбнулась и тоже как раньше, не размыкая губ, ехидно скривив уголок рта и наморщив нос, – могу я не поверить своим глазам?

– Можешь, – согласно кивнул Глеб. – Я тоже не сразу поверил. Подумал, мерещится, перепутал. Просто невероятное совпадение!

Приветственные возгласы, удивление, радость от неожиданной встречи – всё как положено, прилично и чинно. А вот с Шарицким было совсем не так.

Алёна шла вдоль улицы, чересчур погружённая в свои мысли, особо не фиксируя внимания на том, что происходило вокруг. Да, если честно, и смотреть-то было особо не на что. Всё как всегда. Асфальт, дома, деревья, машины, проезжающие мимо или припаркованные к краю тротуара.

В этой тоже не нашлось ничего особенно, просто кто-то вылез из неё, застыл рядом. Но Алёне-то какое дело, зачем, почему, и кто этот человек. Она не рассматривала, просто двигалась вперёд своей дорогой, но стоило с ним поравняться, он вдруг вскинул руку, вцепился в Алёнин локоть, дёрнул на себя.

Она реально испугалась, когда почувствовала на своей руке крепко стиснувшие её пальцы, когда резкий рывок заставил её качнуться в сторону, привалиться к этому странному

и наверняка опасному типу. Просто чудом не заорала, только потому что сердце замерло и дыхание перехватило. И столько мыслей сразу пронеслось в голове, от абсолютно безумных до самых рациональных «Ударить, как получится, чтобы вырваться и убежать». Но тут над самым ухом прозвучало негодующее и строгое:

– Непорядочно это, Одинцова! Хотела проскочить мимо, сделать вид, что мы не знакомы?

Она вскинулась, наконец-то рассмотрела и осознала, а дальше вырвалось уже само:

– Шарицкий, я тебя убью! Вот честно, убью.

– Не выйдет, – уверенно возразил Андрюха. – Я намного сильнее. И практически неуязвимый. Работа обязывает.

– Да мне плевать на твою работу и твою неуязвимость! – возмущённо воскликнула Алёна. – Супермен чокнутый. Я же перепугалась до полусмерти.

– До полусмерти? – переспросил Шарицкий, окинул оценивающим взглядом, заключил: – А выглядишь ничего так, живенько.

И опять захотелось, как делала в детстве, присесть на корточки прямо там, где стоишь, накрыть голову руками, потому что иначе вот от этого «типичного Шарицкого» никак не спастись, только спрятаться, переждать и перетерпеть, пока не отпустит. Нормальные методы тут бессильны, его не переговоришь, потому что ты-то дёргаешься, а ему, что ни скажи, хоть бы хны.

Правда, сегодня он не ограничился беспощадным троллингом. То ли пожалел Алёну, то ли повзрослел и остепенился сам, но, по крайней мере, после совсем коротенькой паузы продолжил:

– Ещё и весьма очаровательно. Прямо очень-очень очаровательно.

Алёна благосклонно кивнула.

– Ладно, не подмазывайся. Не буду тебя убивать. Лучше скажи, как ты здесь оказался.

– У меня работа тут недалеко, – охотно пояснил Шарицкий. – Может, знаешь? Учебный центр МЧС.

– Знаю. Это там дальше, за университетом.

– Угу, – подтвердил он, глянул в нужном направлении. – А ты, значит, в университете. Неужели преподаёшь?

Кажется, это не лечится, ни жизненным опытом, ни временем. Алёна угрожающе прищурилась.

– Опять нарываешься?

Шарицкий улыбнулся, и какое-то время они просто смотрели друг на друга. Выясняли, что осталось прежнего, а что изменилось, ну и, наверное, пытались восполнить впечатления за те годы, когда вынужденно не виделись.

Андрюха вроде бы стал ещё выше, раздался в плечах. И каштановый чуб никуда не делся, только теперь был уложен более аккуратно и прилично. И, если честно, Алёне очень приятно его видеть. И чуб, и Андрюху.

– А давно ты вернулся?

– Да где-то полгода уже, – опять охотно доложил он. – Жаль, что раньше не пересеклись.

– А вот я даже не знаю, – с сомнением протянула Алёна. –

После такой-то встречи. Надо ж было додуматься! А вдруг бы ты обознался, и это оказалась бы не я?

– Да ни за что бы. Не обознался, – убеждённо возразил Шарицкий. – Ну а если бы всё-таки подобное случилось, просто бы извинился.

– Ага, – Алёна усмехнулась. – Или сказал бы: «Девушка, я влюбился в вас с первого взгляда, а потому – давайте знакомиться».

– Не-не-не, – Шарицкий мотнул головой, – вот такое точно не прокатит. Перед женой потом будет неудобно.

Перед женой? Не то, чтобы совершенно неожиданно как факт, скорее, не совсем уместно относительно момента – они ведь едва только повстречались после долгой-долгой разлуки. Потому и вырвалось опять не слишком осознанно:

– Ты – женат?

И, похоже, прозвучало так, будто воспринималось Алёной, как относящееся к разряду абсолютно невозможного, запредельного. Но Шарицкий, как обычно, выдал спокойно:

– Я – женат. – Разве что пауза между словами показалась чуть более значимой. – Пока в Иваново учился, познакомились.

– Ах, да ведь, – согласилась Алёна, – Иваново. Уж там-то с невестами проблем нет.

– Точно.

А после Андрюха, конечно, предложил посидеть где-нибудь, чтобы с едой или хотя бы напитками, и они устрои-

лись в ближайшей кофейне и ещё поболтали. И позже не раз встречались, не договариваясь заранее, полагаясь на случайное стечение обстоятельств, чтобы снова посидеть и поболтать, чисто как давние друзья.

Но почему вдруг Алёна вспомнила про Шарицкого? Именно сейчас, встретившись с Глебом, когда вроде бы совсем не к месту. Сразу подспудно определилась, где, в случае чего, искать защиту? Ведь Андрюха единственный, кто знал, кто терпел её стенания и закидоны и пытался хоть как-то поддержать. Но... только теперь-то всё это – зачем?

Что было, то было и давно уже прошло. От прежних полудетских навязчивых чувств не осталось и следа. Бояться больше нечего.

Она и не боялась, не переживала, ей было любопытно, и она спросила у Глеба:

– И как ты здесь оказался?

– Да был тут недалеко, и решил на обратном пути Димку захватить, – пояснил тот, оглянувшись на сына. – Он ведь здесь учится.

– Я догадалась, – уклончиво произнесла Алёна.

Дима стоял возле машины, чуть ссутулившись, засунув руки в карманы, катал ногой случайно оказавшуюся под ней угловатую, похожую на полупрозрачный камешек льдинку. Услышав своё имя, вскинулся, тоже посмотрел в их сторону. Не сказать, что заинтересованно, но Глеб поторопился выложить в подробностях:

– Димка, это же Алёна. Раньше мы жили в соседних квартирах. Ты, наверное, не помнишь, но она иногда сидела с тобой, с маленьким. Если нам нужно было куда-нибудь уйти, а тебя оставить не с кем. Ты ещё, когда чуть постарше стал, говорил, что вырастешь и на ней женишься. – Он переводил взгляд с одного на другого, но под конец остановил его на сыне: – Или всё-таки немного помнишь?

– Нет, – нехотя откликнулся тот, глядя в сторону.

При этом выражение на лице у Димы было таким, словно у него ныл зуб – терпимо, но неприятно и надоело. Ну, или словно он держал во рту кружок лимона. Тоже терпимо, но как же кисло. Видимо, ему не слишком по душе пришлось эти умильные откровения из глубокого детства.

Он развернулся к машине, распахнул переднюю дверь, а, усевшись, сразу захлопнул, словно сигнал подал, к отъезду. Но Глеб не спешил, задумчиво смотрел на Алёну.

– А вот совсем и не хочется просто так разбежаться. Если уж встретились. Слушай, Алёнка, а поехали к нам? В гости. Ведь так давно не виделись. – Чем дольше Глеб говорил, тем сильнее вдохновлялся собственной идеей. – Поехали, а? Ну, поехали. – протянул он жалостливо, а глаза при этом хитро улыбались. Те самые серые глаза, так невероятно любимые когда-то. И голос тот же. И если зажмуриться, наверное, вполне удастся представить, что всё это происходит двадцать лет назад. – Ведь удивительно же, что вот так случайно пересеклись. Неожиданно и... приятно. Слушай, ну действи-

тельно. И Лиля наверняка будет рада с тобой увидаться.

Лиля? Будет рада? А вот это действительно интересно.

Если бы Глеб просто назвал имя, Алёна, скорее всего, сразу бы ответила «Нет», а фраза зацепила, даже толком не объяснить, чем. В ней не было смысла, и в то же время содержалось его слишком много. Она зараз воспринималась и как абсолютно бредовая нелепость, и как насмешка, и как вызов.

Наверное, это было ужасной глупостью или внезапно разыгравшим отчаянным подростковым сумасбродством, но очень уж захотелось взглянуть – насколько же Лиля обрадуется её появлению? И Алёна решительно произнесла:

– Хорошо, я согласна. В гости так в гости.

(прошрое)

Понятно, что к Лиле Алёна не могла относиться непредвзято, но у той, как нарочно, и поводов для этой предвзятости нашлось – хоть отбавляй. Она, конечно, не была уродинной (уж на уродину-то Глеб точно бы не запал), но ведь и ничего особенного. Вот абсолютно ничего особенного. А если ещё и придирааться, то и поприкалываться есть над чем.

Во-первых, лицо это круглое, пухлые розовые щёчки, которые, казалось, можно увидеть, даже если смотреть со спины. Хотя сама Лиля толстой не была, но и худой тоже не была, скорее, фигуристой. Ярко выраженные «песочные часы». Но – опять же, если придирааться – то, что ниже талии, уменьшительно никак не назовёшь. Вообще даже не попка, а однозначно – попа. И нижняя губа, видимо, по тому же принципу, широкая, полная, словно всё время чуть капризно выпяченная. Или не капризно, а типа чувственно. А глаза скучно-серые, как небо в промозглый пасмурный день.

Даже фамилия у Лили была какая-то умильно-идиотская, то ли Котяткина, то ли Коняшкина. И уж совсем для полного комплекта несуразностей и нелепостей, она оказалась старше Глеба. На два года. Ста-ру-ха.

Ну вот и скажите пожалуйста, что Глеб в ней нашёл? Чтобы влюбиться по уши, чтобы голову потерять, чтобы думать

о ней и даже каждый разговор рано или поздно, но всё равно сворачивать к этой своей Лилечке.

А ведь очень похоже звучит «Лиля-Лёлька», но по значимости даже рядом не поставить. Одна – любимая девушка, вторая – ну так, соплюшка мелкая, которая вечно под ногами вертится, почти родственница. «А-а! Это Алёнка, соседка. Росли вместе». А дальше так и просится «Всего-навсего».

Только Лиля не купилась. Может, ей какая-то особая интуиция подсказала, не ум, а приземлённая чисто женская пронизательность, природный инстинкт, сразу опознавший соперницу, но она довольно быстро догадалась о настоящих Алёниных чувствах к Глебу.

Вот потому Шарицкий и стал не единственным посвящённым. Но то, что он знал, это ещё, пожалуй, и к лучшему – хоть есть с кем пооткровенничать, поделиться своей горечью. А вот то, что Лиля...

В присутствии Глеба она себя нормально вела, только поглядывала снисходительно, свысока (ещё ведь и на полголовы была выше – как назло!) или с пониманием, типа сочувственно, что совсем уж унижительно. Но тогда они особо и не общались. Алёна предпочитала побыстрее смыться, чтобы не видеть – их, вдвоём. Это же хуже пытки, если даже думать о подобном больно и противно. Но зато, когда они случайно встретились один на один – вот тут Лиля и проявила себя по полной.

Столкнулись возле подъезда, подойдя к нему с противо-

положных сторон. Алёна как всегда дорогой «ворон считала» и потому не заметила до последнего. А то бы непременно или свернула куда-нибудь, якобы очень понадобилось, или притормозила, например, шнурок завязать, потому что видеться лишней раз с Лилечкой у неё никакого желания не было, а уж тем более ехать вместе с нею на лифте, стоять на одной площадке у соседних дверей и смотреть, как Глеб пускает её к себе. А вот Лиля, вполне возможно, разглядев Алёну издали, специально подстроила так, чтобы они оказались в одном месте в одно время. Недаром же заговорила первая:

– Ну, привет!

– Угу, – буркнула в ответ Алёна.

Не собиралась, но остановилась, потому что Лиля преградила дорогу. Тоже ведь нарочно так сделала.

– Как дела в школе? – поинтересовалась та с фальшивыми вниманием и заботой. – Двоек не нахватала?

– А чего бы вдруг, – Алёна фыркнула, – мне двойки хватать?

– Ну как? – Лиля развела руками. – Безответная любовь. Не до уроков. Сплошное страдание, сопли в подушку.

Алёну от её слов сначала бросило в жар, потом в холод. Ощущения такие же, как во сне, когда внезапно обнаруживаешь, что пришла в школу голый. Провалиться захотелось сквозь землю, или уж, по крайней мере, закрыть лицо руками и убежать. Но – фиг ей! Не дождётся!

Правда достойного ответа в голову не пришло, только и получилось, что сердито пробормотать:

– Какая ещё «безответная любовь»?

– Ой, да ладно, не прикидывайся, – Лиля насмешливо скривила уголок рта. – Давно ты по Глебу сохнешь?

– Не твоё дело, – огрызнулась Алёна.

А что ещё ей оставалось делать? Ведь, что ни скажи, абсолютно бесполезно. Отрицать – не поверит, согласится, но сделать вид, что тебе чужое мнение по барабану – тоже не получится. Потому что – нет-нет-нет, не бывает здесь по барабану. Когда кто-то узнаёт о тебе такую вот тайну, ты для него становишься уязвимым до предела. И не важно – защищаться или нападать, враг всё равно окажется сильнее, он ведь точно понимает куда и как бить, чтобы сразу насмерть, и не промахнётся, если специально этого не захочет.

– Ну как же «не моё»? То, что касается Глеба, и меня касается. Мы же с ним вместе. Разве что беспокоится мне тут не о чем. Он на малолеток не западает.

Алёна незаметно сжала кулаки, прищурившись, уставилась на Лилю.

– Зато ты западаешь, да? На тех, которые младше. С чего бы это? Неужели те, кто постарше, на тебя не клюют? Ты для них, что ли, тупая слишком? Потому и нашла себе кого помоложе и поглупее?

Если Лилю и задело, то она сумела не показать этого, просто на мгновение нахмурила брови, сжала губы, но глаза не

отвела и не промолчала.

– Я Глебу передам, что ты о нём думаешь.

А вот у Алёны подобной выдержки не было, и она сорвалась, почти прокричала:

– Да я ему и сама скажу, какой он дурак, что на такую повёлся. Хотя я понимаю, почему. Ты ж не отказываешь, сразу даёшь.

И сама смутилась от последних фраз, ещё и гораздо сильнее, чем Лиля. А та – и отвечать ничего не стала, опять усмехнулась, опять посмотрела сверху-вниз, словно без слов сказала:

«Ну, гавкай, гавкай, Моська малолетняя. А Глеб-то всё равно – мой! Мой! И ты прекрасно это понимаешь. И то понимаешь, что ничего тут сделать не сможешь. Оттого и гавкаешь, и бесишься».

Наверное, Алёна никогда не забудет этот пренебрежительный взгляд, и выражение самоуверенного превосходства на лице, и усмешку, ужасную снисходительную усмешку, с которой взрослые смотрят на маленьких глупеньких детей. Никогда не забудет. И просто так не оставит. Не получится. Иначе Алёну разорвёт на части. Или она с ума сойдёт, причём, не для вида, а на самом деле.

(прошрое)

Уже давно разошлись, а у Алёны по-прежнему всё внутри кипело и булькало, словно в жерле вулкана перед страшным извержением. Она даже ночью почти не спала, только забывалась на недолго, наверное, максимум на полчаса, и опять просыпалась, и только с одной мыслью: ну нельзя так всё оставлять! Лилечка обязательно должна поплатиться за пережитое Алёной унижение, за то, что легко разгадала не доверяемую никому тайну, ещё и поизмывалась над ней. Только вот – что бы такое сделать в ответ, чтобы противник почувствовал себя на Алёнин месте и пережил бы всё то же самое? А ещё бы лучше – не пережил.

Утром она специально пораньше из дома вышла, чтобы уж точно опередить Шарицкого и отловить того ещё по дороге. Увидела его издалека, устремилась навстречу, а когда поравнялись, ухватила и нетерпеливо дёрнула за рукав:

– Пойдём!

– Так я и так иду, – откликнулся Шарицкий.

– Не туда, – коротко пояснила Алёна и потянула его с привычной дороги в сторону. – Есть разговор.

– А школа? – разумно напомнил он.

Алёна застыла на месте, возмущённо глянула на друга.

– Школа – подождёт! В конце концов, тебе что важнее –

она или я?

Шарицкий задумался. Вот реально задумался! Потом пожал плечами и сообщил совершенно серьёзно:

– Трудно сказать. Я в таком ключе ещё ни разу не рассматривал.

А-а-а-а! Жутко захотелось ударить его по голове, сумкой. Алёна так бы и сделала, если бы не рассчитывала. Не на сумку, конечно, а на Андриюхину голову. Та ей нужна. Чтобы слушала и, возможно даже, высказала что-нибудь более полезное и умное, чем вот это, которое прозвучало пару секунд назад.

Далеко его Алёна не потащила, через пару дворов к детскому саду. Если войти на его территорию и устроиться на веранде углового участка, получится достаточно уединённо. Пока малышня не высыпала на прогулку, точно никто не побеспокоит, ну и какое-никакое укрытие от довольно холодного ветра, беспорядочно мечущегося между домами и высокими старыми деревьями.

Там Алёна и поведала Шарицкому о вчерашнем разговоре с Лилей, кое о чём умолчав, местами чуток приврав и сгустив краски. Андрияха как последний бесчувственный пенёк особого сострадания не высказал, просто протянул вопросительно:

– И-и?

– Что «и»? – рассердилась Алёна. – Ты, что, не понимаешь? Я же не могу всё так оставить.

– Хочешь отомстить? – деловито уточнил Шарицкий.

– А что ж я, по-твоему, вот так молча проглотить должна всё, что она мне вчера наговорила? – Алёна громко выдохнула. – Ну и не совсем отомстить. Показать. Какая она на самом деле. Чтобы все узнали. И Глеб.

– Придумала что-нибудь? – поинтересовался Андрюха. Правда особого энтузиазма ни на его лице, ни в голосе она не заметила.

– Ну-у, – протянула с сомнением. – Можно номер её телефона написать. На стене в автомате.

И не только номер, а ещё и подходящую подпись, чтобы точно знали, зачем и к кому обращаться.

– А смысл? – Шарицкий озадаченно поморщился.

С какой Луны он вообще свалился? Такого известного прикола не знает.

– Чтобы все подряд ей звонили.

Андрюха кивнул, типа, уяснил, но тут же задал новый вопрос:

– А откуда ты её номер возьмёшь?

– В справочнике поищу.

– Так там же вряд ли она написана. Наверняка кто-нибудь из родителей. И фамилия не одна такая.

– Ну можно же проверить. Позвонить по всем номерам и попросить позвать Лилю. Имя-то редкое. Вряд ли с кем ещё совпадает.

Алёна раздражалась, правда совсем немного, оттого что

Андрюха прикапывается, оттого что раз за разом приходится искать объяснения. Но ведь это даже хорошо, что он сейчас все эти вопросы задаёт, значит, потом над ними думать не придётся. И, пожалуй, обзванивать владельцев телефонов с одинаковой фамилией тоже лучше Шарицкому, чтобы Лиля, если вдруг сама поднимет трубку, не узнала Алёнин голос.

– Ну и как тебе? – под конец поинтересовалась она. – Что думаешь?

– Думаю, – Шарицкий сделал короткую паузу, а после выдал невозмутимо и твёрдо: – что это глупо. И даже – подло.

Ну, подло, да, подло. Так разве Лиля подобное не заслужила? Разве не она вчера самым коварным образом била Алёну в наиболее уязвимое место? И явно ж не испытывала при этом ни угрызений совести, ни раскаяния. Вот пусть и получает назад.

Хотя, Андрюха прав, глупо намного больше. Но ничего же другого в голову не приходит!

Швырнуть в её окно камнем? М-да, тоже ничуть не умнее. Сказать Глебу якобы по секрету, что видела её с другим, и они не просто рядом стояли, а целовались. Только вряд ли Глеб в это поверит. Лилечка для него – бе-зу-преч-на-я.

– А что ты тогда предлагаешь?

– Я? – Шарицкий свёл брови, закусил губу. Словно действительно задумался. Точнее, Алёна так решила, что он задумался, а на самом деле... На самом деле, фиг его поймёшь, для чего были все эти гримасы, если потом прозвучало: –

Я предлагаю – успокоиться и забыть. – А пока задохнувшаяся от негодования Алёна ловила ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, он ещё и добавил: – Дело ведь не только в Лиле. Это ж твой Глеб сам её выбрал.

Ещё один! Настолько же наивный и легковёрный. Ну почему все парни такие?

– Да в том-то и дело, что именно в ней! – возмущённо воскликнула Алёна. – Она же... она же... да она же Глебу просто мозги запудрила. Он и не видит, какая она на самом деле. А она в него вцепилась и не отпускает. Сама к нему постоянно таскается, и звать не надо. И даже... даже спать с ним сразу согласилась.

Шарицкий опять нахмурился.

– Думаешь, именно это всё решает?

– А нет что ли? – выдохнула Алёна, на что Андрюха уверенно возразил, мотнув головой:

– Нет. А если твой Глеб именно такой...

– Он не такой! – Алёна не позволила ему договорить, выкрикнула в отчаянии: – Это она! – Голос дрогнул и в глазах зашипало: – А ты... ты просто ничего не понимаешь. Потому что – маленький ещё. И глупый.

– Ну да, – Шарицкий хмыкнул. – А ты очень взрослая. Но ничего умнее не придумала, только номер в телефонной будке написать?

Подобного Алёна не ожидала. Вот никак не ожидала.

Ладно Лиля, но Шарицкий! Тот самый Андрюха Шариц-

кий, которого она уже восемь лет считала лучшим другом. И, похоже, ошибалась. Жестоко ошибалась. Потому что не потешно и не прикольно. Потому что сейчас точно не время для таких вот подначек, не время для того, чтобы любоваться, какая она смешная, когда злится. Потому что она не злится и не бесится из-за ерунды. Ей реально плохо. И в душе даже не кошки сгребут, а тигры, безжалостно раздирая всё в клочья. И сердце, и душу. А он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.